

Е.Н. Обоймина, О.В. Татькова

Мизинова Лидия

(1870–1937)

Когда они познакомились, ей было девятнадцать, ему — двадцать девять. Портрет ее описала Татьяна Щепкина-Куперник, ее подруга: пепельные вьющиеся волосы, чудесные серые глаза, соболиные брови, неуловимое очарование...

Лица Мизинова сначала подружилась с Машей, сестрой Чехова, и та привела ее в их дом.

«Все на нее заглядывались, — вспоминал брат Чехова Михаил. — Природа, кроме красоты, наградила ее умом и веселым характером. Она была остроумна, ловко умела отпарировать удары, и с нею было приятно поговорить. Мы, все братья Чеховы, относились к ней как родные, хотя мне кажется, что брат Антон интересовался ею и как женщиной».

Когда Лица на какое-то время расставалась с этой семьей, к ней летели чеховские письма:

«Золотая, перламутровая и фильдекосовая Лица... Очаровательная, изумительная, златокудрая... Блондиночка... Ликиша... Адская красавица... Злодейка души моей...»

Чехов никогда не был донжуаном. С женщинами держался осторожно, соблюдая известную дистанцию. Женитьбы явно боялся, а пошлых связей и интрижек, по природной строгости и чистоплотности, сторонился. Так — встречи, переписка, компании, шуточные признания, стихи... «У меня было мало романов», — обмолвился как-то писатель.

По отзывам многих, Антон Павлович очень нравился женщинам — рост под метр девяносто, каштановые густые волосы, карие глаза, приятный баритон. И талант, талант... Дамы влюблялись в него, переполненные обожанием. Он никогда не хвастался успехом, никогда не пользовался им в корыстных целях.

Писатель неоднократно признавался, что характер у него от природы вспыльчивый. Но он привык сдерживать себя, потому что «распускать себя порядочному человеку не подобает». Немаловажно и то, что с двадцати четырех лет у Антона Павловича стали проявляться симптомы серьезной болезни. Отсюда, наверное, и боязнь женитьбы, и нежелание быть кому-то в тягость, и как средство самозащиты — неповторимая чеховская ирония.

...Жените меня на себе, — призывал Антон Павлович Лику, — и кормите меня на свой счет, чтобы я мог ничего не делать. Если же Вы в самом деле умрете, то пусть это сделает Варя Эберлей, которую я, как Вам известно, люблю».

Варя Эберлей — частая мелиховская гостья. Она обладала превосходным голосом, в дружеской обстановке неподражаемо исполняла народные песни, аккомпанируя себе на балалайке.

А Лица тем временем не без кокетства принимала ухаживания известного сердцееда Левитана и описывала свой роман с ним Чехову. К слову, о развитии своих отношений с ней сообщал писателю и сам друг Левитан. Так, в конце мая 1891 года он признавался:

«...Она любит не тебя, белобрысого, а меня, вулканического брюнета, и приедет только туда, где я. Больно тебе все это читать, но из любви к правде я не мог этого скрыть».

Осень 1891 года, по-видимому, стала кульминацией этого непродолжительного романа. В это время был написан один из левитановских шедевров — «Омут» и ряд этюдов. «Эти чудесные тверские этюды Левитана, — замечает в своем исследовании Л. Гроссман, — связаны с его увлечением сероглазой девушкой с пепельными волосами.

Летом 1892 года Лидия решается на смелый шаг. Она готова совершить большое совместное путешествие с Чеховым по Крыму и Кавказу. Своих родных она предупрежда-

ет, что собирается совершить поездку на юг «с одной дамой», и заказывает через своего отца — начальника движения — билеты на Кавказ к началу августа, при этом в разных местах поезда (очевидно, во избежание огласки)».

Принял бы Чехов ее предложение? Бог весть... Несомненно одно: конкретной договоренности об этой поездке не было, и настаивала на ней исключительно Мизинова. В июне, ссылаясь на надвигающуюся эпидемию холеры, Антон Павлович попросил отложить хлопоты о билетах. Возмущенная Лика отправила ему раздраженное письмо: «Вечно отговорки!»

В ответ получила:

«Благородная, порядочная Лика! Как только Вы написали мне, что мои письма ни к чему меня не обязывают, я легко вздохнул... С своей стороны тоже спешу успокоить Вас, что письма Ваши в глазах моих имеют значение лишь душистых цветов, но не документов; передайте барону Штакельбергу, кузену и драгунским офицерам, что я не буду служить для них помехой» (намек на поклонников Лики и ее окружение).

«В Вас, Лика, сидит большой крокодил, и в сущности я хорошо делаю, что слушаюсь здравого смысла, а не сердца, которое Вы укусили. Дальше, дальше от меня! Или нет, Лика, куда ни шло: позвольте моей голове закружиться от Ваших духов и помогите мне крепче затянуть аркан, который Вы уже забросили мне на шею».

Только зная о поведении Мизиновой, в полной мере понимаешь эти чеховские строки...

«Нетрудно, однако, видеть, — считает известный литературовед профессор Г.П. Бердников, — что позиция эта, занятая Чеховым, была вынужденной. Нет сомнения, он испытывал острое чувство горечи. Оно вызывалось сомнительными по вкусу и тону замашками Лики, так несоответствующими его понятиям о нормах воспитанности, ее опрометчивыми поступками. Наконец, можно спорить о силе чувства Чехова к “златокудрой деве”, но вряд ли можно усомниться в том, что чувство это было глубоко оскорблено...»

В одном из посланий Лика стенала:

«А как бы я хотела (если б могла) затянуть аркан! покрепче! Да не по Сеньке шапка! В первый раз в жизни мне так не везет!»

Позже, как замечает Г.П. Бердников, в переписке на первый план выходит иная тема — беспорядочного образа жизни Лики. Она хваталась то за одно дело, то за другое, ничего не доводя до конца. Искала переводческую работу, и Чехов немедленно предоставил ей таковую. Но, продержав рукопись у себя, Лика передала ее кому-то другому. В письмах же к Антону Павловичу жаловалась на то, что якобы забыла язык...

Впрочем, жаловалась и на плохое здоровье, но курила; сетовала на скуку, но... проводила ночи в разгульных компаниях; заверяла, что в рот не берет вина, но пила, и порой очень неумеренно. Кинулась в скандальную связь с известным тогда беллетристом Игнатием Потапенко, приятелем Чехова, писателем небездарным и, что называется, интересным мужчиной. Он (прототип Тригорина из «Чайки») был женат. Супругу свою не покинул (в «Чайке»: «по бесхарактерности ухитрился и там, и тут»). Повез Ликю за границу и бросил на произвол судьбы. Она родила дочь Христину, которая умерла в ноябре 1896 года в двухлетнем возрасте от крупозного воспаления легких. А если уж совсем точно — от недостатка материнской заботы. Лика в один из своих приездов оставила малышку в Покровском на попечении тетушки и бабушки, а практически под надзором рассеянной няни...

В 1897 году неутомимая Лика загорелась новой идеей — открыть модную швейную мастерскую. В январе следующего года Чехов писал сестре из Ниццы:

«Что Лика и как ее мастерская? Она будет шипеть на своих мастериц, ведь у нее ужасный характер. И к тому же она очень любит зеленые и желтые ленты и громадные шляпы, а с такими

пробелами во вкусе нельзя быть законодательницей мод и вкуса... Я не против того, чтобы она открыла мастерскую. Ведь это труд, как бы ни было».

Никакой мастерской Лика, разумеется, не открыла, и в апреле 1898 года вновь отправилась в Париж учиться пению.

Лика стенала, взывала, умоляла Чехова приехать... А в одном из писем Марии Павловне жаловалась:

«...Ах, все отвратительно; и когда я тебе расскажу все, ты удивишься, как Игнатий до сих пор еще не застрелился. Мне так его жаль, так мучительно я его люблю!»

Именно эти слова прозвучат потом в последнем акте «Чайки». Но «мучительная любовь» к одному мужчине нисколько не мешала Лике засыпать другого письмами, полными призывов и упреков.

Кстати, когда беременная и покинутая Лика жила в Швейцарии, она и оттуда звала и ждала Чехова:

«Приезжайте, если не боитесь разочароваться в прежней Лике».

«Я не думаю, чтобы Вы бросили в меня камнем».

Он, конечно, не приехал.

Теперь она подписывалась «дважды отвергнутая Вами...» «Никто Вас не отвергал», — парировал Чехов. И почти тогда же писал Суворину:

«Жениться я не хочу, да и не на ком. Да и шут с ним. Мне было бы скучно возиться с женой. А влюбиться весьма не мешало бы. Скучно без сильной любви...»

В воспоминаниях Т. Щепкиной-Куперник можно найти такое суждение касательно отношений Лики и Чехова:

«...Девушка, к которой у него было серьезное и глубокое чувство, плохо скрытое той вечной шутилкой маской, которую он надевал всегда, не отвечала ему ничем, кроме дружбы».

Мария Павловна тоже пребывала в уверенности, «что больше чувств было со стороны брата, чем Лики». Правда, позже, когда стали известны мизиновские письма к Чехову, Мария Павловна, по свидетельству современницы, «готова была в какой-то мере поступиться своими наблюдениями».

Позволим себе привести еще одно мнение, на этот раз — Бунина, часто гостившего у Чехова в Ялте:

«...Никакого увлечения Ликой (Лидией Стахиевной Мизиновой) у Антона Павловича не было. Она была влюблена в него. Он это видел. Ему же не нравился ее характер, о чем он писал сестре, писал, что у нее нет вкуса. При взаимной любви этого не бывает. А о том, что она была задета Чеховым, можно понять из ее письма, где она объясняет Чехову свое увлечение Потапенкой: “А причина этому Вы...”»

К середине 1890-х годов в творчестве Чехова произошли заметные изменения: лирическое начало в его произведениях вновь стало преобладающим. Факт общеизвестный. «Три года», «Ариадна», «Моя жизнь», «Супруга», «Анна на шее», «Учитель словесности» и, конечно же, «Чайка»... Все это размышления о зарождении и крушении любви, о ее роли в жизни людей. Заканчивая в ноябре 1896 года очередное письмо Антону Павловичу, Лика сделала маленькую приписку:

«Да, здесь все говорят, что и «Чайка» тоже заимствована из моей жизни».

Любопытно, что другой главный герой этой истории — Потапенко — не захотел узнать себя в пьесе. Он не только не обиделся, как в свое время сделал это после публикации знаменитой «Попрыгуньи» «волканический» Левитан, а, напротив, принял самое активное участие в прокладывании для «Чайки» дороги на сцену, взяв на себя сложные переговоры с цензорами.

Конечно, внешнее сходство судеб и жизненных обстоятельств бросается в глаза прежде всего. Куда сложнее определить, какие глубинные мотивы двигали писателем, когда он работал над тем или иным своим произведением...

В 1889 году (в том же самом, когда Чехов познакомился с Ликой!) в жизнь Антона Павловича вошла и другая Лидия — Лидия Алексеевна Авилова. Ее-то некоторые биографы как раз и склонны считать самой главной женщиной (и тайной!) в судьбе Чехова.

В 1898 году из Парижа Лика прислала Чехову свою фотографию. Надписью послужили известные тогда стихи Апухтина:

«Будут ли дни мои ясны, унылы,
Скоро ли сгину я, жизнь погубя, —
Знаю одно, что до самой могилы
Помыслы, чувства, и песни, и силы —
Все для тебя!»

Я могла написать это восемь лет тому назад, а пишу сейчас и напишу через десять лет».

Пройдет немного времени, и Чехов женится на Книппер. А Лика выйдет замуж за известного режиссера Александра Санина (Шенберга), человека необыкновенной энергии и темперамента, и сравнительно благополучно проживет с ним тридцать пять лет. Свой медовый месяц они проведут в Ялте, где навестят Чехова, после чего он с горечью напишет:

«Лику я знаю давно... Ей с Саниным будет нехорошо, она не полюбит его и, вероятно, через год уже будет иметь широкого младенца, а через полтора года начнет изменять своему супругу. Ну, да это все от судьбы...»

Еще через два года, в 1904, Чехова не станет... «...Шли годы, — отмечает Н. Кинкулькина, — но чувство Санина к Лидии Стахивне Мизиновой не остывало. Оно лишь обогащалось новыми оттенками и крепнущей дружбой. Когда они расставались хотя бы ненадолго, он писал ей каждый день подробно, обо всем, чем были заполнены его дни, его мысли...»

Единственная из всех «чеховских женщин», Лика Мизинова не оставила воспоминаний о писателе.

Она умерла в 1937 году в одной из клиник Франции...